

Поскольку ранее Сэнь Жуй помог ему заполучить рекламный контракт с парфюмерным брендом, У Мин бросил на объектив лишь слегка усеянный страстью взгляд, но этого оказалось достаточно, чтобы успешно пробудить интерес и влюбленность фотографа Насэра. На беду, происхождение этого Насэра было далеко не простым, фотография была для него лишь хобби, однако, когда он снимал У Мина, страсть в его глазах буквально сочилась через край.

— Ох, детка, да, смотри на меня именно так! Боже мой, ты — прекраснейший подарок, посланный небесами в этот мир! Я люблю тебя, детка, сделай взгляд еще более сияющим, представь, что я твой возлюбленный. Да-да-да, о, я готов умереть за тебя, ты же знаешь, моя крошка!

— Нагнись чуть-чуть вперед, да, детка, просто безупречно! Я люблю тебя больше, чем самого себя!

У Мин внезапно прищурился, словно почувствовав какой-то дискомфорт, и Насэр тут же в тревоге бросился к нему, осторожно поддерживая У Мина с выражением крайнего беспокойства на лице:

— Моя роза, что с тобой? О, не плачь, не плачь, твои слезы способны растопить мое сердце! У тебя болят глаза?

У Мин дернул уголком рта, впрочем, не отвергая добрых намерений Насэра:

— Просто вспышка немного резанула глаза, я немного отдохну, и все пройдет. Сегодняшние снимки удались?

— Прости, моя роза. Действительно, при таком ярком свете глаза могут устать. Мне не следовало заставлять тебя столько времени оставаться под лампами ради того, чтобы запечатлеть твою красоту. Отдохни немного, хочешь, я сделаю тебе массаж?

В глазах Насэра читалось глубочайшее раскаяние, он даже не удержался — поднял руку У Мина и принялся благоговейно и истово покрывать ее бесчисленными поцелуями.

У Мин с некоторым неудовольствием выдернул руку:

— Господин Насэр, я не слишком привык к западным манерам. Простите, я просто хочу спокойно передохнуть.

— Хорошо, моя роза, только не сердись! Каждая морщинка на твоём лбу отзывается болью в моем сердце, от любого твоего хмурого взгляда мое сердце готово затрепетать. Какое счастье, что у меня нет порока сердца! Фотографии сегодня получились великолепными. Могу я пригласить тебя на ужин? Я знаю один чудесный ресторан, он идеально подойдет для нас двоих.

Слушая болтовню Насэра, У Мин мысленно вздохнул. Он был геем, и все об этом знали; Насэр тоже был геем, и это тоже все знали. В итоге все вокруг были в курсе, что Насэр влюбился в него с первого взгляда и ведет за ним страстные ухаживания. Черт побери, да по всем законам здравого смысла новости должны были разлететься еще несколько дней назад, почему же Кани до сих пор не примчался?!

У Мин поднял взгляд, собираясь отказаться, как вдруг заметил вдали знакомую фигуру, и слова на его языке мгновенно изменились:

— Хорошо, я с удовольствием составлю вам компанию за ужином. Вы очень обаятельный человек, мне нравятся ваши фотографии.

— Для меня это истинная честь, моя крошка! — Насэр прижал руку к груди и слегка поклонился.

Выражение лица У Мина ничуть не изменилось: еще при самой первой встрече с этим человеком он понял, что Насэр из тех, кто берет от секса только физическое удовольствие, не вкладывая душу, и как бы безумно он себя ни вел, в конце концов он лишь хочет затащить человека в постель.

— У Мин.

Кани подошел с хмурым выражением лица, положил руку на плечо У Мину и бросил на Насэра равнодушный взгляд:

— Он уже договорился со мной о встрече.

— Моя сладенькая, правда? — Насэр посмотрел на Кани с некоторой опаской, но все же перевел взгляд на У Мина.

У Мин пожал плечами, изобразив легкое извинение:

— Прости, совсем вылетело из головы. В следующий раз я сам тебя приглашу.

— Никакого следующего раза не будет.

Придерживая У Мина за плечо, Кани решительно повел его к выходу. У Мин обернулся и бросил на Насэра взгляд, словно хотел что-то сказать, но в конце концов промолчал.

Устроившись в машине Кани, У Мин выглядел мрачным — он просто смотрел в окно и не произнес с Кани ни слова.

Кани, судя по всему, тоже был не в лучшем настроении. Он довез У Мина до его апартаментов и совершенно естественно последовал за ним внутрь.

— Он тебе не пара, вокруг него слишком много скандальных слухов, — сказал Кани, шагая вслед за У Мином.

У Мин, даже не обернувшись, шел по коридору и на ходу с себя одежду. Он скинул руки, и его белая, с изящными изгибами костей спина оказалась полностью обнажена перед глазами Кани. Голос У Мина звучал так, будто он пустился во все тяжкие:

— Я знаю. И я ничего к нему не испытываю всерьез. Я просто хочу принять ванну.

Шагнув в ванную комнату, У Мин бросил на Кани через плечо тихие слова, после чего резко захлопнул дверь. Глухой стук прозвучал в комнате как-то неожиданно резко.

Кани замер на мгновение и лишь спустя долгое время поднял с пола упавшую одежду У Мина. От ткани все еще исходило тепло его тела. Кончики пальцев Кани легко погладили вещь, он на секунду засомневался, но все же бросил одежду в корзину для белья. У Мин не любил, когда в квартире оставались слухи, но его был все же требовал ухода, поэтому каждые три дня приходил человек для уборки.

И правда, У Мин был из тех, кто любит жить безопасно.

Сидя в гостиной и прислушиваясь к тихому журчанию воды, Кани снова и снова бросал взгляды в сторону ванной комнаты. Ему вдруг безумно захотелось толкнуть дверь и войти вовнутрь. Быть может, сейчас У Мин стоит под струями душа, совершенно обнаженный, позволяя воде омыwać его тело, а его ресницы, смоченные теплой водой, слиплись и опустились на веки, и каждый раз, когда он со вздрагиванием открывает глаза, он похож на раненую бабочку, трепещущую крыльями.

Кани неожиданно почувствовал, как его тело охватывает жар, а во рту пересохло.

Вдруг раздался звук открывающейся двери ванной.

Кани инстинктивно поднял взгляд: У Мин только что закончил мыться, на его бедрах было обмотано лишь одно банное полотенце, а на голове красовалось белое полотенце, с которого на плечи капала вода. Вся его фигура казалась окутанной легкой дымкой — честно говоря, это выглядело невероятно красиво, той самой дерзкой, ничем не сдерживаемой красотой, подчиненной лишь собственным капризам.

— У Мин. — Взгляд Кани потемнел.

— Хочешь чего-нибудь выпить? В холодильнике вроде было пиво.

У Мин прошел мимо Кани в сторону кухни, открыл холодильник, достал две бутылки пива и протянул одну из них Кани.

Сделав пару глотков и видимо ощутив прохладу, У Мин снял с головы полотенце, чтобы протереть плечи, а затем взял фен и ушел в ванную сушить волосы, но когда он вернулся, на нем по-прежнему было лишь завязанное на талии полотенце.

— Вообще-то я ничего такого к Насэру не испытываю. Просто хотел использовать его, чтобы пустить слухи, — У Мин отпил из бутылки, зажав ее между пальцами, а затем горько усмехнулся. — Я и сам знаю, что это самонадеянная глупость, но все равно надеюсь, что тот человек хоть капельку отреагирует — пусть даже гневом или отвращением. Скажи, Кани, разве я не последняя сволочь?

У Мин вытащил сигареты и зажигалку из-под журнального столика, зажал сигарету в губах, затянулся и выпустил густое облако дыма, которое словно размыло его черты лица.

— Ты заслуживающего лучшего, — голос Кани показался ему самому хриплым.

Глядя надвигающиеся губы У Мина, Кани вдруг поймал себя на желании впиться в них поцелуем, чтобы узнать, действительно ли они так прекрасны, как кажутся. Ему захотелось оставить на теле У Мина свои следы, какими бы они ни были, ему захотелось сделать этого человека своей собственностью, запереть в четырех стенах, чтобы тот видел только его одного, слышал только его голос и мог прикасаться лишь к нему.

— Кого лучшего? — У Мин словно бы горько усмехнулся, снова затянулся сигаретой и протянул пачку Кани. — Даже если кто-то и есть, я не могу отпустить его, и что толку?

Кани не взял сигарету. Вместо этого он резко перехватил У Мина за запястье и посмотрел на него таким взглядом, какого в его глазах еще никогда не бывало — взгляд этот был до отказа наполнен скрытым желанием.

— Меня, — шевельнув губами, произнес Кани, легко выдохнул воздух, а затем притянул У Мина к себе, обхватив за талию и заключив в объятия. Подняв большой палец, он нежно провел им по губам У Мина и прямо на глазах у ошеломленного парня впился поцелуем в те самые губы, вкус которых так жаждал узнать.

Этот вкус оказался еще прекраснее, чем он воображал: с нотками табака, но при этом сладкий, как самый исток жизни.

У Мин на мгновение замер, но Кани тут же воспользовался моментом, размыкая его губы. И лишь когда его язык сплелся с чужим в страстном ответе, У Мин яростно оттолкнул его.

— Ка... м-м, Кани! — У Мин с силой оттолкнул мужчину, но потерял равновесие и рухнул на

пол. К счастью, падение смягчил ковер, однако он смотрел на Кани с абсолютным неверием.

— Я... У Мин... — Кани протянул руку, пытаясь помочь ему подняться, но У Мин резко отмахнулся.

— Я всегда считал тебя своим самым надежным другом, — в голосе У Мина слышалось замешательство и вина. — Прости, я не имел в виду ничего подобного.

Что значит — не имел в виду ничего подобного? Кани просто смотрел на него.

У Мин виновато опустил взгляд:

— Если мое поведение заставило тебя понять меня неправильно, мне очень жаль. Я не могу его забыть, так что... прости.

— Не можешь забыть? — Кани сохранял убийственное спокойствие. Он лишь приподнял брови и крайне хладнокровно переспросил:

— Да. Я все еще что-то чувствую к нему. Изначально я планировал использовать Насэр, чтобы вызвать у него ревность... Я вот такой человек, готовый на любые подлости ради того, чего хочу.

Кани опустился на колени и коснулся ладонью лица У Мина, его голос звучал так, будто он сдерживал какую-то бурю:

— На любые подлости?

— Кани... — У Мин слегка задрожал, глядя на помрачневшее лицо мужчины, в его позе промелькнул страх.

— Ты боишься меня? — Кани медленно навалился на тело У Мина. Тот был совершенно без одежды, и Кани отчетливо ощущал жар его кожи. Он протянул руку и ослабил собственный галстук, а его голос упал до низкого, пугающего шепота: — Не бойся. Я же говорил, что защищу тебя.

— Кани... нет!

Кани выдохнул облако сигаретного дыма. Сидя на ковре прямо на полу, совершенно го, он чувствовал, как по всему его телу разливается глубокое, абсолютное насыщение. Он скосил взгляд на лежащего рядом У Мина. Его руки были связаны галстуком Кани за ножку журнального столика, и весь он согнулся в три погибели, словно креветка. На его теле почти не осталось живого места: всё было усеяно густыми, переплетающимися следами от поцелуев

— синими и багровыми. Особенно пострадали ягодицы и то сладостно-невыносимое место — оно страшно опухло и покраснело.

У Мин заслонял лицо обеими руками, но Кани почти отчетливо представлял, что это лицо наверняка залито слезами от боли. Дыхание У Мина сейчас было едва заметным, и лишь это крошечное движение выдавало, что он все еще жив.

Кани сделал еще одну затяжку, словно сожалея о собственной вспышке, докурив сигарету до конца и затушил ее. Затем он подошел, развязал узел на запястьях У Мина и бережно поднял его на руки. Кани отчетливо чувствовал, как легкая дрожь пробирает тело человека в его объятиях, и поцеловал У Мина в макушку.

— Не бойся, я просто хочу тебя вымыть, — мягко сказал Кани.

Прижимая к себе У Мина, он вошел в ванную, усадил его, прислонив к себе, и полез рукой внутрь, чтобы вымыть оставшуюся белую жидкость. Всё время, пока он это делал, тело У Мина непрерывно дрожало.

Когда они выбрались из ванной, У Мин уже намного протрезвел. И когда Кани уложил его на кровать, он просто отвернулся, повернувшись к Кани спиной, и не проронил ни слова.

— У Мин, кажется, ты мне нравишься, — произнес Кани, прижимаясь к У Мину под одеялом и накручивая на палец прядь его волос. Голос его звучал тихо, с приятным бархатным оттенком.

— Очень-очень сильно нравится. Я не до конца в этом разбирался, пока не осознал, как сильно жажду тебя увидеть, пока не начал ревновать, когда ты рядом с кем-то еще — неважно, с кем. Разве это не любовь? Я хочу тебя, хочу, чтобы твое тело пропиталось моим запахом, хочу прижать тебя к постели и делать с тобой всё, что вздумается. — Кани внезапно замолк, придвинулся ближе к уху У Мина и шепнул еще кое-что, отчего уши У Мина мгновенно вспыхнули.

— У Мин, давай будем вместе. Я буду хорошо к тебе относиться. Я почти уладил дела со своей семьей, и всё, чего ты пожелаешь, будет твоим: слава, богатство, власть. Чего ты хочешь, У Мин? — Кани теснее прижался к У Мину, и тепло чужого тела, казалось, принесло ему некоторое успокоительное облегчение.

— На самом деле, когда мне что-то нравится, я не гнушаюсь никакими средствами, чтобы заполучить это, — нежно поцеловав У Мина в ухо, проговорил Кани, и в его голосе отчетливо послышалась неуловимая угроза.

У Мин по-прежнему хранил молчание. На улице давно стемнело: когда они только вернулись, было всего часов шесть-семь, но Кани возился с У Мином два-три часа, и теперь за окном уже царил непроглядная тьма, лишь кое-где вдали мерцали редкие огоньки фонарей.

— У Мин, — тихо пробормотал Кани, прижимая к себе парня и закрывая глаза. — Спи.

И лишь когда дыхание лежащего позади мужчины наконец выровнялось, У Мин резко открыл глаза. Во взгляде его мелькнула хитрая и довольная искорка.

[Наигрался?]

[Наигрался.]

[Удовольствие получил?]

[Получил.]

[Готов заняться делом и вернуть должок обидчикам?]

[Разумеется.]

[Ох уж этот маньяк, жаждущий секса, что ты такого подсыпал в комнате? Даже если Кани и запал на тебя, он еще не до конца осознал свои чувства, с чего бы ему бросаться на тебя только потому, что ты разделся?]

[Я вообще ничего не делал. Мужчины в период гона всегда пугающие создания, в конце концов, парень двадцать два года проходил девственником.]

[И в итоге свалился к самому началу.]

[Техника пока хромает.]

[Что планируешь делать дальше?]

[Продолжу подливать масла в огонь, а потом займусь главными героем и героиней.]

На следующее утро, когда У Мин проснулся, Кани уже приготовил завтрак. Он встал намного раньше У Мина и сначала собирался сам состряпать ему еду, но, к несчастью, никогда в жизни не заходил на кухню. Перерыв массу информации в интернете, он в итоге просто распорядился, чтобы ему доставили легкий завтрак.

— Поешь и как следует отдохни дома пару дней, — Кани поставил поднос с едой на прикроватный столик, и, глядя на У Мина, то и дело бросал взгляды под его одежду.

— Я хочу работать, — подняв голову, посмотрел на Кани У Мин. — Я хочу стать настоящим актером, Кани. То, чего я желаю, я должен добыть сам.

Кани молча смотрел на него и лишь спустя долгое время кивнул. Ему не следовало чересчур вмешиваться в жизнь У Мина, к тому же Кани чувствовал, что ему самому нужно хорошенько обдумать их связь. Их отношения были именно такими, какими он их описывал: он любит У Мина, но позиция самого У Мина слишком туманна, поэтому он не смеет слишком сильно давить на него во всем остальном.

У Мин шумно выдохнул. Выбравшись из апартаментов, он сначала закончил съемки в оставшейся рекламе, а затем с головой ушел в свои темные делишки.

У Мин не собирался оставлять в покое ни Бай Сяосяо, ни Чжоу Сюаня. Пусть Бай Сяосяо всячески третировала его и даже публично оскорбляла, но разве поведение Чжоу Сюаня, который прекрасно знал о чувствах прежнего владельца тела, но упорно делал вид, будто ничего не замечает, не было изощренной пыткой? Разумеется, оставалась еще армия их безумных фанатов и травля в интернете.

Поскольку съемки в Прошлом уже завершились, У Мин больше не мог просто так увидеться с Чжоу Сюанем. Раздавить Бай Сяосяо было проще простого: та безумно любила Чжоу Сюаня, а порой сама любовь становится главной слабостью. Бай Сяосяо напоказставляла свою уязвимость — с одной стороны, доказывая глубину чувств к Чжоу Сюаню, а с другой — негласно оказывая на него давление. Мол, раз женщина так сильно тебя любит, то если ты посмеешь поступить с ней подло, великое множество людей этого тебе не простит.

Бай Сяосяо никогда не отличалась особым умом и расчетливостью; все эти ходы за нее продумывал ее тайный покровитель. Когда она только начинала карьеру, она была лишь мелкой статисткой, и прославиться благодаря роли Бай Сяосяо ей удалось исключительно благодаря закулисным усилиям этого человека. Причем за их союзом скрывалась весьма скандальная и аморальная история.

Ради популярности и денег Бай Сяосяо в свое время поневоле легла в постель к одному из топ-менеджеров своей компании. За ее плечами не было никакой влиятельной поддержки: ее воспитывала одна мать, и она понятия не имела, кто ее отец. Позже мать тяжело заболела, на лечение потребовались деньги, и у нее не оставалось выбора, кроме как стать содержанкой влиятельного мужчины. Об их интрижке знало лишь узкое число людей. Бай Сяосяо не испытывала к нему сильных чувств, но тот действительно хорошо к ней относился, и именно поэтому она согласилась быть с ним.

Однако тот топ-менеджер по-настоящему влюбился в Бай Сяосяо и все это время молча расчищал ей путь вверх. И как только она наконец ответила ему взаимностью, грянула страшная новость.

Мать Бай Сяосяо выяснила, что этот влиятельный мужчина — единокровный брат ее дочери. История эта уходила корнями в прошлое: в свое время мать Бай Сяосяо была девушкой из

бедной горной деревушки с хорошим образованием, вырвавшейся учиться в большой мир. Повидав просторы внешней жизни, разве могла она захотеть вернуться назад? К тому же она смертельно устала от нищеты. Почему это она, поступившая в университет на общих основаниях, должна была сберегать за месяц сумму, которой не хватало даже на один обед богатых студентов? Огромная пропасть между бедными и богатыми в стенах вуза и ослепительный блеск ночной жизни за его пределами полностью затмили ей разум богатством.

Так она стала любовницей, вклинившись в семью топ-менеджера. Она понимала, что ей не тягаться с законной женой, да и тот мужчина видел в ней всего лишь забавную игрушку. Устраивать грандиозный скандал она собиралась лишь ради крупной суммы отступных. Когда она неожиданно забеременела, мужчина, пытаясь утихомирить гнев жены, пообещал выдать ей денег на аборт, после чего они должны были окончательно расстаться.

Мать Бай Сяосяо благоразумно забрала деньги и исчезла. На эти средства они с годами зажили вполне сытой и устроенной жизнью. Обладая хорошим дипломом, она нашла вполне приличную работу, но бросить дочку духу у нее не хватило — даже оказавшись на операционном столе, она в последний момент передумала, вскочила и убежала. Все эти годы они с дочкой жили вдвоем, душа в душу; к счастью, девочка выросла писаной красавицей и отвечала ей сыновней любовью. Кто же мог знать, что колесо судьбы сделает полный круг и вернет их в ту же самую ошибочную точку.

Узнав правду, Бай Сяосяо погрузилась в затяжную депрессию. Топ-менеджер тоже приходил в себя несколько дней, прежде чем осознать произошедшее. Но как раз в тот период Бай Сяосяо повстречала Чжоу Сюаня — красивого, из влиятельной семьи, к тому же влюбившегося в нее с первого взгляда и осаждавшего ее ухаживаниями. Общаясь с Чжоу Сюанем, Бай Сяосяо и впрямь почувствовала себя намного лучше, а со временем незаметно и сама влюбилась в него.

Но она понимала, что должна порвать с прошлым. К счастью, тот топ-менеджер тоже решил объясниться с ней: в глубине души он все еще любил Бай Сяосяо. Когда она заявила о необходимости прервать их связь и потребовала сохранить их истинные отношения в строжайшем секрете, он согласился. И надо же было такому случиться, что в самый момент этого разговора мимо случайно проходил прежний владелец тела.

На самом деле прежний хозяин тела понятия не имел об их связи, но Бай Сяосяо отличалась подозрительным нравом, да и топ-менеджер ради сохранения собственной репутации не мог позволить, чтобы над ним висела хоть малейшая угроза. В итоге они объединили усилия, чтобы затравить парня.

Бай Сяосяо, только-только ответившая согласием на предложение Чжоу Сюаня и узнав о чувствах прежнего владельца к нему, возненавидела беднягу лютой смертью. С тех пор она всячески давила и унижала его, поливая грязью и распуская слухи, а топ-менеджер из тени умело направлял СМИ, заказывая клеветнические статьи. Это позволяло и поднять рейтинги новостей, и окончательно уничтожить потенциальную угрозу — почему бы и нет?

После того случая Бай Сяосяо почти перестала видаться с тем мужчиной. В конце концов, она теперь девушка Чжоу Сюаня, а за спиной у того стояла далеко не простая семья. Но тот топ-

менеджер по-прежнему не находил себе места, переживая за нее: с одной стороны, он искренне желал ей счастья, а с другой — не мог отпустить. Поэтому время от времени они все же возобновляли интимные встречи, хотя в целом ситуация оставалась стабильной.

Однако У Мин прекрасно знал, что эти отношения всегда висели на волоске. Чжоу Сюань тоже не был слеп к Бай Сяосяо, но он толком не умел любить, а теперь, когда страсти поутихли, его чувства к ней были далеко не такими глубокими, как казалось.

Первое, что собирался сделать У Мин, — уничтожить Бай Сяосяо. В чем был виноват прежний хозяин тела, чтобы заслуживать столь жуткую участь? Разумеется, он собирался вернуть им все сполна, не проявляя ни капли жалости.

<http://bllate.org/book/21658/2234887>